

Е.Н. Волосов

Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в структуре выборных партийных органов (1964–1991 гг.)

E.N. Volosov

The Technocratic Elite of Angara-Enisey's Region in the System of Elective Party's Bodies (1964–1991)

Дана общая характеристика выборных органов политической (партийной) и законодательной власти в СССР с 1960-х и до начала 1990-х гг., подпадающих под определение «лжепарламентаризма». Выявлены основные принципы, на основании которых технократическая элита рекрутировалась в выборные партийные органы.

Ключевые слова: региональная технократическая элита, хозяйственные руководители, партийные органы, партийный аппарат, «лжепарламентаризм», системообразующие отрасли, лоббирование.

Технократическая элита – один из важнейших отрядов советской номенклатуры. Руководители промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций всегда находились под жестким контролем со стороны партийных органов и входили либо в основную, либо в учетную номенклатуру, ведущуюся партийным аппаратом. Но в целом взаимоотношения между двумя группами советской элиты носили нелинейный, диалектический и весьма сложный характер. Партийной бюрократии приходилось мириться с относительной самостоятельностью хозяйственных руководителей в центре и на местах из-за целого ряда причин, поэтому абсолютно закономерным является факт довольно широкого присутствия технократической элиты в выборных партийных и советских органах.

В данной статье мы ставим своей целью проанализировать состав представителей технократической элиты, являвшихся на протяжении середины 1960-х – середины 80-х гг. членами бюро Красноярского крайкома и Иркутского обкома КПСС, кандидатами и членами региональных комитетов КПСС, попытаться понять принципы и подходы, на основании которых технократическая элита рекрутировалась в выборные партийные органы.

Одной из важных статусных позиций для 1960–1980-х гг. являлось не собственно членство в рядах КПСС, а место в выборном органе: партийном, советском, на худой конец – профсоюзном.

Но одного желания для избрания того или иного кандидата было мало. Избирательная система в Советском Союзе носила строго централизованный, плановый характер, учитывала колоссальное количество

The article provides a general description of the elected bodies of the political (party) and the legislative power in the USSR from 1960 until early 1990, falling under the definition of “lzheparlamentarizm”. The author exposes basic principles on which the technocratic elite was recruited to elected party bodies.

Key words: regional technocratic elite, economic managers, party bodies, party apparatus, “pseudo-parlamentarizm”, system forming industries, lobby.

данных в социально-профессиональном «портфолио» (досье) кандидата. Любой выборный орган политической (партийной) и законодательной власти в СССР с 1930-х до начала 1990-х гг. строился по образцу Земских соборов Московского царства и представлял собой социально-политический срез общества.

Социальная стратиграфия любого партийного или советского выборного органа от районного до «кремлевского» уровня носила чрезвычайно пестрый характер. Из докладов председателей мандатных комиссий любого из партийных съездов видно, что на высший партийный форум избирались рабочие, работники сельского хозяйства, руководители промышленных предприятий, строки, ученые, работники культуры и образования, военные, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники. Причем подбор делегатов велся не только по профессиональным, но и по возрастным, образовательным, гендерным принципам.

Даже революционная по советским меркам XIX Всесоюзная конференция КПСС, проходившая в самый разгар «перестройки», несмотря на действительную в ряде идеологических и организационных аспектов инновационность, с позиций кадрового подбора ничем не отличалась от подобных мероприятий.

При выборах в любые представительные органы власти использовалась система негласно установленных квот для различных социальных и профессиональных групп. Систему «выборного назначения» в органы политической и законодательной власти в СССР М. Восленский метко назвал «номенклатурным лжепарламентаризмом» [1, с. 358].

К сожалению, документы, отложившиеся в центральных и региональных архивах и относящиеся к текущей деятельности партийных, советских, хозяйственных органов в послевоенный период, не дают нам возможности буквально увидеть ту черновую подготовительную работу по подбору кандидатов в делегаты и депутаты всех уровней власти, что вели многочисленные партийные бюрократы, сконцентрированные в организационно-партийных отделах партийных комитетов всех уровней. Почему, например, делегатом съезда или членом обкома был избран токарь Петров, а не слесарь Сидоров, если оба досрочно выполнили план очередной пятилетки? Чем объяснить, что на отчетно-выборную областную партийную конференцию была направлена молодая крановщица Тяпкина, а не ее напарница, ударник коммунистического труда, средневозрастная Ляпкина? Чем доярка-пятитысячница* Иванова лучше доярки-пятитысячницы Кузнецовой? Но первую избрали депутатом Верховного Совета СССР, а вторую – лишь депутатом областного Совета народных депутатов. Ответы на эти вопросы можно получить только при тщательном изучении всего комплекса документов от нижних этажей партийной власти до самых верхних и понимании механизмов партийной разнарядки.

Детальное исследование данной темы чрезвычайно интересно само по себе, хотя и касается нашей работы лишь в части представительности в выборных органах власти региональной технократической элиты. Анализ большого массива статистических данных, списочных составов, биографических сведений, экономических показателей отраслей, конкретных предприятий и территорий позволяет с высокой долей уверенности предположить, что выборы (фактические назначения) в тот или иной орган власти или на значимый общественно-политический форум носили системный, продуманный характер.

В схеме (матрице) подбора, выдвижения и избрания кандидатов существовало множество кластеров, соответствующих социальным, профессиональным, возрастным группам. Судя по стабильности процентных соответствий, приоритетными являлись профессиональные, социальные и гендерные факторы. Сама матрица не носила персонифицированного, очеловеченного характера. Токаря Петрова избирали на партийный съезд не потому, что он отличный рабочий, примерный семьянин и активный общественник. Просто на съезд нужен был рабочий, идеально вписывающийся в продекларированные и навязанные обществу представления о советском пролетарии. На месте Петрова мог оказаться и слесарь Сидоров, но при внимательном изучении его биографии пар-

тийные кадровики нашли родственников за границей или в плену во время Великой Отечественной войны или какой-нибудь привод в медвытрезвитель в годы буйной молодости. При абсолютно равных социально-производственных характеристиках выше шансы могли оказаться у того кандидата, который работал на передовом предприятии или Всесоюзной комсомольской стройке, например Байкало-Амурской магистрали, и т.д.

Уровень избираемости граждан Советского Союза был обратно пропорционален уровню их политической статусности. Иными словами, чем выше пост занимал тот или иной руководитель, тем больше шансов было у него для избрания (назначения) в какой-либо государственный, политический или общественный орган. И, соответственно, чем ниже реальный, а не декларируемый статус, тем меньше возможностей получить место среди делегатов партийной конференции либо депутатов какого-либо Совета.

Для того чтобы попытаться понять механизмы подбора, избрания (назначения) хозяйственных руководителей в партийные органы, мы выбрали две наиболее репрезентативных структуры: Красноярский краевой и Иркутский областной комитеты КПСС.

В отличие от стран «классической» демократии в этике советского демократизма превалировала личная скромность, т.е. человек, даже стремившийся делать карьеру, не должен был оповещать окружающих о своих планах. Хорошие производственные показатели, активная общественная работа, примерное поведение в быту, разумная близость к начальству, доля везения – вот те факторы, которые позволяли со временем оказаться в числе избранных. Механизм вхождения в ряды номенклатуры очень точно показал М. Восленский. Однако его пример относится той категории советских граждан, которые рвались занять номенклатурное место среди партийной или советской бюрократии. С секретарем обкома или председателем горисполкома все ясно. Их работа в качестве члена обкома или депутата городского Совета народных депутатов являлась неотъемлемой частью первой должности. Первый секретарь не мог не быть членом обкома, так как именно члены областного комитета партии избирали секретариат и лично первого секретаря. Точно так же председатель городского исполнительного комитета Совета народных депутатов выбирался из числа депутатов этого же Совета.

Какие же причины, мотивы обуславливали стремление советских граждан, не относящихся к слою партийно-политической бюрократии, занимать выборные места? Ведь никаких особых материальных предпочтений эти звания, статусы не давали. Механизмы западного варианта лоббирования на компенсационной основе советскому человеку были известны только по статьям В. Зорина, Ю. Жукова, А. Бовина и телевизионной передаче «Международная пано-

* Пятитысячницами называли доярок, получавших от каждой из коров в своей группе не менее пяти тысяч литров молока в год, что считалось для нашей страны выдающимся результатом.

рама». К тому же исполнительная власть прекрасно понимала бутафорскую сущность представительных структур и, формально поддерживая правила игры в советский вариант лоббирования, весьма твердо игнорировала любые реальные попытки вмешаться в серьезную хозяйственную практику.

Вероятно, причины участия в подобных органах для различных категорий советских граждан были одинаковы, но вот их приоритетность для той или иной социальной, профессиональной группы значительно различалась.

Проведенный нами анализ кадровых ротаций хозяйственных руководителей, партийных и советских работников в 1960–1980-е гг., списочные изменения составов партийных комитетов и Советов народных депутатов, многочисленные интервью с очевидцами и субъектами политической и экономической деятельности изучаемого периода, мемуары позволяют с высокой долей вероятности определить следующие приоритеты и качественные показатели:

- 1) статусность;
- 2) полезные знакомства;
- 3) трамплин для карьеры;
- 4) норма;
- 5) престижность;
- 6) материальные блага;
- 7) показательно-нормативная биография;
- 8) реальные заслуги;
- 9) рекомендация сверху.

Совершенно очевидно, что представители рабочего класса, рядовые сельские труженики попадали в состав выборных органов не столько по своему желанию, сколько по рекомендации вышестоящих партийных органов. Вместе с тем «рекомендация сверху» не носила волонтеристского характера и была обусловлена «реальными заслугами» (высокими трудовыми достижениями) и «показательно-нормативной биографией».

Система «лжепарламентаризма» включала в себя материальное стимулирование включенных в нее волею партийной бюрократии рядовых граждан. Выражалось оно прежде всего в удовлетворении потребностей членов выборных органов в особо дефицитных товарах, вплоть до автомобилей, первоочередном получении жилья или более льготных условиях улучшения его качества.

Не давая оценочных суждений по поводу такой системы распределения материальных благ, отмечу, что большинство рабочих и сельских тружеников, прежде чем занять высокую должность в системе советской демократии, добивались реальных успехов на своих рабочих местах. Следовательно, система поддерживала эффективный, высокопроизводительный труд, создавала комфортные условия для тех, кто стремился к высоким производственным показателям. Дополнительными условиями успешности потенци-

ального выборного из рабочих и колхозников являлись разумная доля конформизма, ритуальная приверженность марксистско-ленинской идеологии, советскому образу жизни и ценностям социализма.

Можно говорить о наличии своеобразной номенклатуры даже среди знатных представителей рабочего класса и колхозного крестьянства. Будучи награжденным высокими государственными наградами от ордена Ленина до Героя Социалистического труда, оказавшись делегатом партийного съезда, тот или иной рабочий, колхозник обеспечивал себе долгосрочное почетное место в каком-либо партийном, советском, профсоюзном выборном органе и соответствующие преференции.

Для молодых рабочих и колхозников, задумывавшихся о выборе жизненной стратегии и не стремившихся навсегда остаться в составе «передового класса советского общества» правительственные награды, участие в выборных органах являлись удачным трамплином для управленческой карьеры. Из рабочих, всерьез занимавшихся самообразованием и ростом профессионального образования, вышло большое количество высококлассных управленцев. В их числе директор Иркутского авиационного завода Г.Н. Горбунов, директор Иркутского алюминиевого завода И.С. Гринберг, генеральный директор Норильского горно-металлургического комбината Б.И. Колесников и др.

Совершенно другая шкала причин (приоритетов) участия в выборных органах власти действовала для тех, кто является объектом нашего исследования – представителей региональной технократической элиты. За редкими исключениями можно с высокой долей вероятности объяснить включение тех или иных руководителей в состав региональных комитетов партии, региональных партийных конференций, бюро партийного комитета, советских выборных органов различных уровней, их передвижения внутри системы выборной власти. Для этой группы из указанных выше причин более характерны статусность, норма, престижность, полезные знакомства.

Вторая группа отличалась от первой совершенно иными причинами вхождения в состав выборных органов. Так как экономика Восточной Сибири в 60–80-е гг. XX в. была динамично развивающейся сферой, характеризовалась появлением новых отраслей, ренессансом традиционных видов экономики, модернизацией транспортной и строительной инфраструктуры, то по представленности технократов в выборных органах власти можно судить о степени внимания партийной бюрократии к той или отрасли народного хозяйства. В таблицах 1–2 [2, л. 385; 3, л. 5] показаны изменения в составах Красноярского краевого и Иркутского областного комитетов КПСС с точки зрения профессионального состава хозяйственных руководителей.

Таблица 1

Изменения в составе Красноярского КК КПСС с точки зрения профессионального состава хозяйственных руководителей

Отрасль	1964	1966	1968	1971	1974	1976	1979
	115/9	123/11	131/10	139/9	139/14	139/12	139/13
Транспорт	3	2	2	-	3	2	2
Гражданское машиностроение	1	1	1	-	-	1	-
Предприятия ВПК	1	2	1	3	3	3	3
Горнодобывающая, угольная пром-ть	1	1	1	1	1	1	-
Строительство	1	1	2	3	1	1	1
Энергетика	-	1	-	1	1	1	-
Лесная отрасль	-	1	1	-	1	-	1
Снабжение	-	-	-	-	1	-	1
Цветная металлургия	1	1	1	1	1	1	2
Геология	-	-	-	-	1	1	1
Фундаментальная наука	1	1	1	-	1	1	2
Итого, %	7,8	8,9	7,6	6,5	10	8,6	9,3

Таблица 2

Изменения в составе Иркутского ОК КПСС с точки зрения профессионального состава хозяйственных руководителей

Отрасль	1979	1981	1984	1988
	119/14	122/14	125/13	128/19
Транспорт	1	1	1	4
Гражданское машиностроение	1	1	1	-
Предприятия ВПК	2	2	1	5
Строительство	3	3	3	6
Энергетика	1	-	1	1
Снабжение	-	1	1	1
Лесная отрасль	3	2	3	3
Горнодобывающая отрасль	1	2	1	-
Цветная металлургия	1	1	-	1
Геология	-	1	1	2
Фундаментальная наука	1	1	1	2
	11,8	11,4	10,4	14,9

Для многостороннего анализа в качестве примера мы взяли данные о составах региональных комитетов партии в течение 1964–1990 гг., а точнее, количестве и пропорциях в них представителей технократической элиты.

Прежде всего обратим внимание на предприятия и организации тех отраслей, руководители являлись членами выборного партийного органа практически во все созывы: предприятия военно-промышленного комплекса, строительство, цветная металлургия, транспорт. В этом случае мы имеем пример закрепленной квоты за конкретными, особо важными не только для региона, но и страны предприятиями и организациями.

В Красноярском крае существовало и существует важнейшее предприятие оборонного комплекса страны – Красноярский машиностроительный завод (другое название: ПО «Красмаш»). В стране этот завод был знаком по марке прекрасных холодильников «Бирюса». Но только избранные да сами работники предприятия знали, что является его основной продукцией. В этот период на заводе выпускались баллистические ракеты Р-14, РСМ-25, РСМ-40, РСМ-54, ставшие основой стратегических ядерных сил СССР [4, с. 137]. Поэтому независимо от возраста, вхождения в региональную элиту руководители предприятия в обязательном порядке избирались членами Красноярского крайкома КПСС: 1964, 1966 гг. – П.А. Сысоев,

1968 г. – Б.Н. Гуров, 1971, 1974 гг. – В.П. Котельников, 1976, 1979, 1981, 1983 и далее – В.К. Гупалов.

Другое место в составе крайкома было «забронировано» за предприятиями ядерного комплекса. С 1964 по 1978 г. в качестве кандидата, а потом и члена крайкома КПСС эту часть ВПК представлял И.Н. Бортников – директор электролизно-химического завода (Красноярск-45), а после его смерти членом обкома стали избирать руководителя другого «атомного» предприятия – горно-химического комбината – Е.И. Микерина.

На протяжении 15 лет мы наблюдаем картину увеличения доли руководителей ВПК в составе крайкома КПСС. Это точно коррелируется с ростом экономического и политического веса ВПК в стране. Пять сроков (1966, 1971–1979 гг.) в качестве члена крайкома отработал начальник управления «Сибхимстрой», генерал-майор П.Т. Штефан, руководивший строительством режимных и гражданских объектов в Железногорске (Красноярск-26). Участие руководителей режимных строительных организаций в выборных партийных и советских органах являлось обязательным атрибутом системы «лжепарламентаризма». Аналогичной структурой в Иркутской области было Ангарское управление строительства 16, которым до января 1975 г. руководил полковник С.Н. Алешин – неперемный делегат областных партийных конференций и депутат областного совета народных депутатов [5, с. 21]. После смерти С.Н. Алешина его преемники Н.В. Фирсов, А.В. Пичугин, Ю.И. Авдеев, следуя негласным правилам, точно так же избирались как в партийные, так и в советские органы областного уровня [6].

Иркутская область также имела предприятия ВПК всесоюзного уровня: Иркутский авиационный завод и Ангарский электролизно-химический комбинат. Их руководители В.А. Максимовский и В.Ф. Новокшенов постоянно избирались в состав обкома КПСС, а первый входил в состав бюро обкома с 1974 по 1981 г.

Известно, что вторая половина XX в. стала временем интенсивного промышленного освоения Ангаро-Енисейского региона. И ключевую роль на первом этапе хозяйственного строительства играет строительный комплекс. Воспитание уважения к строителям являлось важнейшей идеологической и политической задачей.

В Красноярском крае, как и в Иркутской области, в обязательном порядке в состав региональных комитетов партии входили руководители ведущих строительных организаций: «Главкраснояркстрой» и «Главвостоксибстрой». Особенность Прибайкалья заключалась еще и в том, что здесь дислоцировалось специальное управление «Братскгэсстрой», деятельность которого носила межрегиональный характер, а по своей производственной мощности в 60–80-е гг. XX в. оно было сопоставимо с крупнейшей строитель-

ной организацией Красноярского края – «Главкраснояркстроем» и превосходило ведущий строительный главк Иркутской области – «Главвостоксибстрой» [7]. Поэтому одно место в составе Иркутского обкома КПСС всегда было забронировано за руководителем «Братскгэсстрой».

Авторитет строителей в 60-е гг. был столь весом, что, например, в составе бюро Красноярского крайкома КПСС с 1966 до 1983 г. единственными представителями региональной технократии являлись именно строители: в 1966–1968 гг. – Б.М. Зверев. После его отъезда в Москву в 1968 г. для работы в должности заместителя министра целлюлозно-бумажной промышленности и пост начальника «Главкраснояркстрой», и место в бюро крайкома партии перешло, как по наследству, В.П. Абовскому [8, л. 380–390]. С 1967 по 1971 г. в состав бюро Иркутского ОК КПСС, в статусе кандидата, входил начальник «Главвостоксибстрой» В.И. Прядко [9].

Избрание других руководителей строительного комплекса в состав регионального комитета партии носило в некоторой степени конъюнктурный и эпизодический характер, связанный с необходимостью подчеркнуть значимость определенной стройки в данное время. Так, с 1964 по 1971 г. в качестве кандидата, а потом и полноправного члена Красноярского крайкома КПСС работал начальник специального управления «Красноярскгэсстрой» А.Е. Бочкин. Вероятно, его присутствие в составе партийного комитета связано с грандиозным разворотом работ по строительству Красноярской и Саяно-Шушенской гидроэлектростанций, которыми руководил легендарный гидро-строитель.

В Иркутской области аналогичная ситуация сложилась в 1970–1980-е гг., во время строительства Байкало-Амурской магистрали. На протяжении четырех созывов с 1976 по 1984 г. членом обкома партии избирался начальник управления «Ангарстрой» В.С. Бондарев [10, л. 2]. Управляемая им организация являлась генеральным подрядчиком на строительстве участка БАМ по территории Иркутской области и Бурятии. После завершения строительства железной дороги ушла в историю слава «Ангарстроя» и его бес-сменного руководителя.

Еще одной отраслью, обеспеченной квотой в составе Красноярского крайкома КПСС, являлась цветная металлургия. Точнее, ее флагман – Норильский горно-металлургический комбинат (НГМК) – один из крупнейших мировых производителей никеля и меди. Его руководители занимали важное место в иерархии руководства в системе Министерства цветной металлургии СССР и Красноярского края. Высшим моментом признания значимости НГМК и его руководства стало избрание в 1969 г. на пост первого секретаря Красноярского крайкома КПСС начальника комбината В.И. Долгих, который выбирался с 1964 по

1969 г. членом краевого комитета партии, в 1971 г. – Н.П. Машьянов, с 1973 г. – Б.И. Колесников. С 1979 г. в состав крайкома был избран директор Ачинского глиноземного завода И.М. Чуприянов. На это предприятие Министерство цветной металлургии возлагало большие надежды в части снабжения алюминиевых заводов отечественным сырьем. Избрание руководителя предприятия членом крайкома, без сомнения, являлось подтверждением надежд, возлагавшихся властью на единственный в России глиноземный завод.

В Иркутской области располагалось другое крупнейшее предприятие цветной металлургии, лидер алюминиевой промышленности СССР – Братский алюминиевый завод. Интересно, что и здесь в начале 1970-х гг. директора предприятия В.Ф. Малова избирают сразу вторым секретарем Иркутского обкома КПСС. На этом посту он пробыл до ухода на пенсию в 1985 г. [11]. Преемник В.Ф. Малова М.П. Авдеев управлял заводом с 1971 по 1989 г., оставаясь при этом членом обкома. Лишь однажды по каким-то причинам с 1984 по 1986 г. его «понижали» до статуса кандидата в члены обкома [12, л. 84–67].

Хребтом любой экономики является транспорт. Красноярский край и Иркутская область благодаря своему географическому положению, расположению производительных сил относились к числу немногих территорий страны, где стратегическое значение играли все четыре системообразующих вида транспорта. И это объясняет стабильное присутствие их руководителей среди членов и кандидатов в члены краевого и областного комитетов партии и депутатов Советов народных депутатов.

В 1960-е гг. в составе Красноярского крайкома КПСС работали руководители Красноярского отделения Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД) Г.И. Тетерский и начальник Енисейского речного пароходства И.М. Назаров. Уже на следующей краевой партийной конференции, проходившей в феврале 1974 г., сразу три руководителя транспортных отраслей края: железной дороги, речного флота и гражданской авиации были избраны членами крайкома КПСС С.И. Соловьев, С.И. Фомин, В.М. Сидорчук [13, с. 217–225].

В отличие от Красноярского края, где промышленные Юг и Север соединяли речной и воздушный транспорт, а железная дорога охватывала только южную и часть центральной территории региона, становым хребтом иркутской экономики являлась только железная дорога. Разность экономического веса отраслей определила и степень присутствия их руководителей в главном органе власти Иркутской области. В течение 1960–1980-х гг. в обком КПСС всегда избирались начальники управления Восточно-Сибирской железной дороги: А.Т. Головатый, Г.И. Тетерский, Ш.О. Цинцадзе, Г.П. Комаров. Первому из этой четверки довелось даже поучаствовать

в работе бюро Иркутского ОК КПСС, правда, в качестве кандидата [14, л. 78].

С начала 1980-х гг. кандидатами в члены обкома партии выбираются начальники Восточно-Сибирского управления гражданской авиации и Восточно-Сибирского речного пароходства Н.Г. Миронов и В.Д. Скупов. Качественный прорыв произошел только в разгар перестройки. На XXIV областной партийной конференции в состав обкома вошли руководители сразу четырех системных транспортных отраслей: железной дороги (Г.П. Комаров), гражданской авиации (В.Г. Савин), речного пароходства (Л.М. Шафиров), автотранспорта (В.И. Быков) [15]. Столь мощное присутствие транспортников являлось частью общей тенденции на увеличение в составе обкома представителей региональной технократической элиты. В сравнении с предыдущими созывами их количество выросло почти в два раза и составило 16%.

Угольная отрасль Красноярского края и Иркутской области в силу своей значимости как для региона, так и для союзной экономики [16] также почти постоянно имела свою квоту в региональных комитетах партии. В 60–80-е гг. в их состав входили лица, имевшие большой авторитет на всех этажах партийного и хозяйственного управления. Непременный член крайкома КПСС созыва 1964–1976 гг. – начальник комбината «Красноярскуголь» Г.С. Семикобыла. Его преемник В.В. Таскаев только один созыв пробыл в качестве кандидата в члены крайкома, а с 1979 г. он избирался полноправным членом краевого комитета партии [17].

Комбинат, а затем производственное объединение «Востсибуголь» в 60–80-е гг. возглавляли кадры, чей политический вес был зачастую выше, чем доля в экономике области руководимой ими организации. Например, в 1967 г. в первый и последний раз в истории бюро Иркутского обкома КПСС в качестве его полноправного члена вошел представитель технократии – М.Н. Маркелов, начальник комбината «Востсибуголь» [18, л. 3]. Членом обкома во второй половине 1960-х – начале 70-х гг. являлся М.И. Щадов – начальник комбината и производственного объединения, заместитель министра, министр угольной промышленности СССР с 1974 по 1991 г.

Важнейшее место в экономике Красноярского края и особенно Иркутской области традиционно занимал лесной комплекс. В целом лесозаготовительные отрасли этих двух регионов страны в 60–80-е гг. XX в. давали почти 20% всей деловой древесины страны [19]. Правда, в отличие от Красноярского края, где производство носило более диверсифицированный характер, в Иркутской области руководители лесного комплекса занимали гораздо более весомое положение в системе выборных партийных органов. В состав Иркутского обкома КПСС систематически входили по два-три высокопоставленных представителя ле-

созаготовки и лесохимии. Априори по статусу членами обкома являлись последовательно начальники крупнейшего лесозаготовительного объединения страны ВЛПО «Иркутсклеспром»: Л.И. Евдокименко, В.В. Сахаров, И.Д. Смольянов. Но лесной потенциал Иркутской области позволил создать два уникальных по своим масштабам и уровню технологий лесопромышленных комплексов: Братский и Усть-Илимский. Их руководителями назначались должностные лица в статусе заместителя министра лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Например, с 1974 по 1980 г. генеральным директором Усть-Илимского ЛПК работал заместитель министра М.И. Бусыгин. Аналогичная ситуация сложилась на Братском лесопромышленном комплексе, который с 1983 по 1987 г. возглавлял другой заместитель министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР В.А. Чуйко. Оба они, соответственно, на период своей работы в Иркутской области избирались в состав обкома КПСС [20, л. 2–5]. Вероятно, должности руководителей обоих комплексов носили статус, при котором другие определяющие факторы: вхождение в региональную элиту, стаж в системе партийных органов, имели второстепенный характер. Так, за 1970–1980-е гг. в составе обкома КПСС в качестве его полноправных членов побывали все генеральные директора Братского и Усть-Илимского лесопромышленных комплексов М.И. Олонцев, К.Н. Мазминов, Э.Г. Евтушенко, А.М. Сенченко, В.Н. Семенов.

Была представлена в региональных партийных органах и энергетика – отрасль, занимающая ключевое, стратегическое значение. В период строительства крупнейших гидроэлектростанций страны и мира Братской, Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской все внимание официальной пропаганды обращалось на тех, кто строил – от руководителя до простого рабочего. После пуска в эксплуатацию любая ГЭС превращалась в обычное предприятие с небольшим количеством работников (до 1 тыс. чел.), руководитель которого по своему статусу не мог являться членом регионального комитета партии. История сибирской гидро- и теплоэнергетики знает заслуженных и авторитетных руководителей: Б.А. Растоскуева – директора Красноярской ГЭС, И.Ф. Устинова – Братской ГЭС, С.А. Мотыгину – Иркутской ТЭЦ-1, В.Е. Межевича – Усть-Илимской ТЭЦ, А.А. Ситникова – Назаровской ГРЭС. Однако ни один из этих руководителей в состав крайкома или обкома не избирался. Максимум возможного – избрание на региональную отчетно-выборную партийную конференцию.

В энергетической системе существовали организации, осуществлявшие координацию всей хозяйственной и финансовой деятельности генерирующих, передающих и ремонтно-эксплуатационных пред-

приятий. Они назывались районными энергетическими управлениями (РЭУ). На территории Иркутской области и Красноярского края действовали РЭУ «Иркутскэнерго» и РЭУ «Красноярскэнерго» [21]. Их руководители как представители всего энергетического хозяйства территорий были востребованы и в системе партийных органов. В 60–70-е гг. в состав обкома бессменно входил управляющий РЭУ «Иркутскэнерго» П.Г. Некряченко, блестящий организатор, пользовавшийся большим авторитетом и уважением как среди региональной элиты, так и в своем многотысячном коллективе [22, л. 3–38]. Его преемники Б.П. Варнавский и В.М. Боровский избирались в состав областного комитета партии в качестве как постоянных членов, так и кандидатов.

С 1966 по 1978 г., с двухлетним перерывом, избирался членом крайкома КПСС управляющий РЭУ «Красноярскэнерго» М.П. Сморгунов. А вот следующие управляющие В.М. Иванников, В.И. Брызгалов уже входят в состав крайкома только кандидатами по следующим причинам: 1) процесс становления энергетической системы в основном завершился, начинались рутинные действия по реконструкции и модернизации; 2) ушло в прошлое поколение создателей, находившихся вместе и рядом с партийными лидерами. Следующий слой «энерготехнократов» еще не успел найти подходы к партийному руководству регионов, а выборная квота для энергетиков, видимо, перестала в 1980-е гг. являться обязательной.

Весьма показательным для демонстрации квотного принципа формирования региональных комитетов партии был партийно-выборный рекрутинг в отношении геологической отрасли.

Богатейшие ресурсы полезных ископаемых Восточной Сибири объективно поднимали статусность и престиж геологии как отрасли, а также и ее руководителей, казалось бы, гарантировали последним места в выборных партийных и советских органах. Однако архивные документы такой жесткой связи не показывают. Начальник Красноярского краевого геологического управления В.А. Неволин появляется в составе крайкома только в 1974 г., его предшественник В.Д. Чельшев был избран только кандидатом в члены крайкома КПСС [23, л. 226]. В.Е. Рябенко – бессменный начальник Иркутского геологического управления – в 60–70-е гг. избирался в члены обкома партии, а вот его преемник на этом посту В.Ф. Дубинин с 1981 по 1988 г. оставался кандидатом и лишь в конце 1988 г. вошел в состав обкома в качестве полноправного члена [24, л. 2–4].

Изменение традиционной структуры экономики Иркутской области, относительное падение объемов производства машиностроительной продукции, экономические и технологические проблемы машиностроительной отрасли Приангарья обусловили потерю ею квотного места в обкоме партии. После

отъезда Е.А. Мармонта в 1981 г. в Москву к месту работы в Министерстве тяжелого и транспортного машиностроения следующих директоров Иркутского завода тяжелого машиностроения в состав обкома уже не выбирали. Членом крайкома КПСС с 1964 по 1974 и с 1976 по 1979 г. избирался директор Красноярского комбайнового завода – одного из крупнейших предприятий страны в своей отрасли – Б.Н. Кобелев. Однако после его отставки новый руководитель предприятия Л.Н. Логинов был избран в состав крайкома только в середине 80-х гг.

В отличие от Иркутской области, не имевшей крупных предприятий легкой промышленности, в Красноярском крае располагалось несколько комбинатов республиканского значения: Канский хлопчатобумажный, Черногорский камвольно-суконный, Красноярский шелковый. Видимо, столь серьезное присутствие текстильного сектора в экономике края, производственные достижения и личный авторитет во властных кругах обусловили многолетнее участие в составе крайкома партии в 1970-е гг. директора шелкового комбината Н.Д. Озеровой [25, л. 194–195].

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

1. В системе стратификации советского общества социальный статус каждого гражданина определялся не только простыми и понятными маркерами: пол, образование, происхождение, должность, но и многими факторами формального и неформального характера. Весьма значимую статусную роль играла должность в выборных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органах. Региональная технократическая элита занимала определенное место в системе советского «лжепарламентаризма», точно отражавшего формальную иерархию хозяйственных руководителей, фактический вес в экономике возглавляемых ими хозяйствующих субъектов, инвестиционные приоритеты конкретного исторического периода, степень внимания партийной бюрократии к той или иной отрасли народного хозяйства.

2. Особо важные для региона и страны предприятия и организации имели фактически закрепленную квоту на места в выборных партийных и советских

органах. Наиболее широко в них были представлены руководители хозяйствующих субъектов системообразующих отраслей: военно-промышленного комплекса, транспорта и строительства. В сравнении с другими стратами и социальными группами Красноярского края и Иркутской области по уровню избираемости в различные органы власти в относительных пропорциях региональная технократическая элита уступала только партийной и советской бюрократии. Очень значимым статусом, важным для любого руководителя, являлось членство в составе по сути высшего органа управления территориями – бюро комитета КПСС (центрального, краевого, областного, городского, районного). Помимо обязательных мест для ответственных работников секретариата регионального комитета партии, руководителя регионального исполнительного комитета органа советской власти и местного управления Комитета государственной безопасности СССР в бюро всегда избирался в качестве либо постоянного члена, либо кандидата один из руководителей какого-либо промышленного предприятия, строительной или транспортной организации.

Потери квотных мест объяснялись не личными качествами хозяйственных руководителей, а изменением традиционной структуры экономики в 1960–80-е гг. и сменой инвестиционных приоритетов ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

3. Доступные на сегодняшний день документы государственных и ведомственных архивов, другие публичные источники, косвенные свидетельства позволяют говорить об участии выборных представителей технократической элиты в обсуждении и решении вопросов экономического, социально-бытового и, частично, кадрового характера. Будучи членами выборных партийных органов, делегатами съездов КПСС, депутатами Верховных Советов СССР, РСФСР, краев и областей, они активно использовали свое положение, лоббируя интересы территорий, прежде всего для получения стратегических или дополнительных инвестиций на промышленное и социально-бытовое строительство, реконструкцию, оптимизацию материально-технического снабжения и др.

Библиографический список

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. П-26. – Оп. 37. – Д. 5.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). – Ф. 127. – Оп. 80. – Д. 10.
4. Красноярский взлет. 1971–1990. – Красноярск, 2004.
5. Радченко Е.Д. Есть в Сибири город Ангарск. – Иркутск, 2004.
6. Регистрация кандидатов в депутаты Иркутского областного совета депутатов трудящихся // Восточно-Сибирская правда. – 1977. – 31 мая.
7. Абовский В. Стройка: ее надежда и забота // Красноярский рабочий. – 1974. – 10 февр.
8. ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 8. – Д. 1.
9. В.И. Прядко (Некролог) // Восточно-Сибирская правда. – 1978 – 17 янв.
10. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 106. – Д. 1.
11. В.Ф. Малов (Некролог) // (Восточно-Сибирская правда. – 1989. – 12 янв.

ИСТОРИЯ

12. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 115. – Д. 14.
13. ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 8. – Д. 513.
14. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 115. – Д. 10.
15. Навстречу выборам XXIV областной партконференции // Восточно-Сибирская правда. – 1988. – 17 дек.
16. Таскаев В. Богатства недр служат народу // Красноярский рабочий. – 1976. – 29 авг.
17. Таскаев Вадим Васильевич [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.ural.ru/index.php>.
18. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 109. – Д. 3.
19. Кудряшов Е. Гвардейцы «зеленого океана» // Восточно-Сибирская правда. – 1984. – 16 сент.
20. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 6. – Д. 1.
21. Рождение имени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutskenergo.ru/qa/449.2.html>.
22. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 88. – Д. 10.
23. ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 8. – Д. 513.
24. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 102. – Д. 1.
25. ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 36. – Д. 8.